

Н.Н. ЛогвиноваИнститут лингвистических исследований РАН,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Синтаксический статус аргументов предикативной посессивной конструкции в урмийском новоарамейском идиоме

В настоящем исследовании обсуждается проблема синтаксического статуса аргументов предикативной посессивной конструкции в урмийском новоарамейском идиоме. В статье анализируется диахроническая гипотеза, согласно которой обладаемое является «старым» подлежащим, постепенно грамматикализовавшимся в прямое дополнение, а обладатель – «новым» подлежащим. Синтаксические свойства обоих аргументов конструкции рассматриваются относительно одиннадцати критериев подлежащности из [Keenan, 1976]. На основании данных, полученных в ходе эlicitации в с. Урмия Краснодарского края, в статье делается вывод о том, что и обладатель, и обладаемое в урмийской конструкции демонстрируют признаки, свойственные несомненному подлежащему в данном идиоме.

Ключевые слова: грамматикализация, подлежащность, топикальность, новоарамейские диалекты

Благодарности. Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312.

Я благодарю С.С. Сая и анонимного рецензента журнала «Рема», чьи комментарии и идеи помогли значительно улучшить настоящий текст.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Логвинова Н.Н. Синтаксический статус аргументов предикативной посессивной конструкции в урмийском новоарамейском идиоме // Рема. Rhema. 2022. № 2. С. 67–85. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-67-85

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-67-85

N.N. Logvinova Institute for Linguistic Studies, RAS,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

The syntactic status of arguments in the construction of predicative possession in NENA Urmi dialect

The present paper discusses the syntactic statuses of the core arguments in the predicative possessive construction in Neo-Aramaic Urmi dialect. The study analyses a diachronic hypothesis which states that the possessee is an “old” subject which has grammaticalized as direct object, while the previously topical possessor is a “new” subject. The syntactic properties of both arguments are considered based on the eleven criteria for subjecthood proposed in (Keenan, 1976). According to the data obtained through elicitation in the village Urmia (Krasnodar krai, Russia), the conclusion is made that both the possessee and the possessor demonstrate the properties that are characteristic of prototypical subjects in the dialect under discussion.

Key words: grammaticalization, subjecthood, topicality, Neo-Aramaic dialects

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 20-012-00312.

I thank S.S. Say and an anonymous reviewer for *Rhema*, whose comments and ideas greatly improved the present text.

FOR CITATION: Logvinova N.N. The syntactic status of arguments in the construction of predicative possession in NENA Urmi dialect. *Rhema*. 2022. No. 2. Pp. 67–85. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-2-67-85

1. Введение

Для выражения предикативной посессивности в урмийском новоарамейском идиоме (северо-восточные новоарамейские идиомы (далее СВНА) < семитская группа < афроазиатская семья) используются две основные конструкции, представленные в (1a–b):

- (1) a. cəs +Ášur ítən brát-u
 у Ашур(м¹) ехI девочка(ф)-р.3м
 ‘У Ашура есть дочь’.
- b. +Ášur ət-lə bráta
 Ашур(м) ехI-лs.3м девочка(ф)
 ‘У Ашура есть дочь’.

Конструкция в (1a) реализует типологически широко распространенную локативную стратегию [Stassen, 2009, p. 49]. В таких конструкциях обладатель кодируется адлогом с пространственным значением (сəс ‘у’ в (1a)), а обладаемое, как правило, является подлежащим [Stassen, 2009, p. 49]. Конструкция в (1b) менее прозрачна. Основным аргументом при экзистенциальном предикате в (1b) является именная группа (ИГ) *brata* ‘дочь(ф)’, однако личный показатель L-серии (-lə в (1b)) демонстрирует согласование в роде (и числе) только с ИГ possessора (*Ášur ‘Ашур’(м)). В глагольных клаузах L-суффиксы индексируют подлежащее только в прошедшем времени – в настоящем времени они используются для индексации прямых дополнений.

Таким образом, в конструкциях типа (1a) схема индексирования оказывается нетривиальной для данного идиома: если признать подлежащим обладаемое, то индексирования субъекта в примерах типа (1a) нет вообще, при том, что в глагольных клаузах оно обязательно. Если же подлежащим считать обладателя, то индексирование по какой-то причине не соответствует правилу временной дистрибуции.

В связи с изложенной проблемой особенно примечательно, что в подробной и обширной грамматике того варианта урмийского новоарамейского, на котором говорят в Иране, Дж. Кхан предлагает считать, что в предикативной посессивной конструкции обладаемое в ходе грамматикализации было переосмыслено как прямое дополнение, а possessор – как внутреннее (в противоположность клефтовому) подлежащее [Khan, 2016, p. 396]. Как показано в разделе 3, основной аргумент Кхана основывается как раз на критерии обязательности индексации подлежащего, однако не кажется однозначно убедительным.

В настоящей статье анализируются данные урмийского идиома, на котором говорят носители, компактно проживающие в Краснодарском крае (Россия). Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы

¹ Глоссы: DEM – указательное местоимение; ехI – экзистенциальная копула; ф – женский род; fut – будущее время; ls – л-суффикс; м – мужской род; neg – отрицание; p – посессивный суффикс; pl – множественное число; prog – прогрессив; prs – настоящее время; pst – прошедшее время; refl – рефлексив; rel – релятор; res – результатив; retr – ретро-спективный сдвиг; sg – единственное число; ss – с-суффикс.

определить, какой из аргументов конструкции предикативной посессивности может претендовать на подлежащий статус в данном варианте урмийского. Наряду с копульной конструкцией (1) в статье рассматриваются конструкции с глаголом *avə* 'быть', который является вариантом экзистенциальной копулы *ət* в некоторых аспектуально-временных формах.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 описывается методология настоящего исследования. Раздел 3 представляет диахронический взгляд на развитие предикативной посессивной конструкции в новоарамейских идиомах. В разделе 4 анализируются данные, позволяющие заключить, что синхронно наблюдаемая конструкция утратила синтаксическое сходство с предполагаемым источником. В пятом разделе представлены основные выводы о синтаксическом статусе ИГ – членов конструкции предикативной посессивности. Шестой раздел содержит дискуссию относительно полученных результатов. В седьмом, заключительном, разделе обобщаются сделанные выводы.

2. Методология

Данные для настоящего исследования были собраны в ходе экспедиции в с. Урмия Курганинского района Краснодарского края в августе 2021 г. На настоящий момент с. Урмия является самым крупным местом компактного поселения ассирийцев на территории РФ. Социолингвистическая ситуация в с. Урмия примечательна многообразием представленных на данной территории новоарамейских диалектов [Ovsjannikova et al., in press]. Наиболее широко представленным и хорошо сохранившимся, а также наиболее подробно описанным (см. упоминающуюся грамматику [Khan, 2016]) является диалект недавних (конец XX в.) переселенцев из Закавказья, так называемых «новых урмиджна». Во избежание необходимости учитывать междиалектную вариативность для настоящего исследования данные собирались исключительно от носителей этого диалекта.

Анкета, легшая в основу данной работы, состояла из двух частей. В первой части проверялось, в какой степени признаки, описываемые в качестве синтаксических признаков подлежащего в типологической литературе, отличают урмийские подлежащие глагольных клауз от других аргументов, т.е. являются исключительными для подлежащего в урмийском идиоме. Эта часть анкеты была собрана у трех консультантов.

Во второй части анкеты рассматривалось, обладают ли теми же признаками именные группы в составе конструкции предикативной посессивности. Количество ответов на вопросы в этой части анкеты разнится:

в случае солидарности консультантов мы ограничивались тремя оценками, а в случае расхождения мнений проводились дополнительные консультации. В качестве результата во всех случаях принималась наиболее частотная оценка.

3. Предполагаемая диахрония посессивной конструкции в урмийском идиоме

В типологии предикативной посессивности Л. Стассена конструкции, структурно напоминающие (1a), классифицируются как топикально-локативные гибриды (topic-locational hybrids) [Stassen, 2009, p. 96]. И в топикально-локативных гибридах Стассена, и в урмийской посессивной конструкции обладаемое является основным аргументом экзистенциального предиката, а морфологически немаркированный обладатель располагается на левой периферии конструкции, при этом анафорически упоминаясь в клаузе посредством согласовательного аффикса в составе предиката. При этом для топикально-локативных гибридов, согласно Л. Стассену, характерно, что статус грамматического подлежащего принадлежит обладаемому, а посессор оформлен как топик. Конструкции такого типа, по данным Стассена, распространены в немногих ареалах (включая Северную Африку), однако характерны по крайней мере для нескольких семитских языков (арабский, мальтийский, амхарский и тигре в выборке Стассена). То, что данная конструкция является типичной для родственных идиомов СВНА, дает основания полагать, что именно ей диахронически соответствует структура в (1a). Подобная реконструкция, кроме того, является канонической в исследованиях, посвященных эволюции аргументных индексов в новоарамейских идиомах: ей, в частности, следуют Дж. Кхан [Khan, 2016a, p. 390–396] и П. Ноорландер [Noorlander, 2021, p. 34]. Как Дж. Кхан, так и П. Ноорландер полагают, что топикально-локативный гибрид Стассена является *исходной точкой* грамматикализации конструкций предикативной посессивности в новоарамейских диалектах. Согласно их анализу, топика, занимавшие позицию в начале клаузы, постепенно стали анализироваться как обычные подлежащие, поскольку начальная позиция типична именно для подлежащих.

Вывод о современном статусе посессоров основывается главным образом на том, что индексирование ИГ посессора L-суффиксами в современных системах является *обязательным* и *однотипным*, как и индексирование несомненных подлежащих. Наоборот, прямые объекты в этих идиомах демонстрируют дифференцированное маркирование, зависящее от референциального статуса, а неядерные аргументы, как правило, вообще не индексировются. Хотя грамматикализационный

путь, описываемый названными авторами, представляется вполне вероятным (ср. [Givón, 1976; Shibatani, 1991] о грамматикализации подлежащих из топиков), непосредственно аргумент от аналогии с обязательностью канонических подлежащих кажется не до конца убедительным. В отсутствие данных о диахронических изменениях в обязательности использования L-суффиксов в таких конструкциях проблематично утверждать, что обязательность не является собственным свойством выражений предикативной посессивности самих по себе.

Вместе с тем, аргументом в пользу анализа посессивной конструкции в (1b) как «топикально-локативного гибрида» является нетривиальное ограничение на конструкции типа (1b) при прономинальных обладаемых [Сай, 2021]. В случае, если обладаемое оказывается местоимением (с референцией как к одушевленным, так и к неодушевленным объектам), посессивная стратегия, как в (1b), невозможна: вместо нее употребляется конструкция с предлогом *cəs* ‘у’, как в (1b):

- (2) a. *cəsl-i*   *ítən*   ⁺*ávun*
 у-р.1SG   EXI   он
 ‘У меня есть он’.
 *ana   *ət-li*   ⁺*ávun*
 я   EXI-LS.1SG   он
 ожд. ‘У меня есть он’.
- b. *cəsl-ux*   *ítən*   *ána*
 у-р.2M   EXI   я
 ‘У тебя есть я’.
 *atən   *ət-lux*   *ána*
 ты   EXI-LS.2SG   я
 ожд. ‘У тебя есть я’.

Можно предположить, что данное ограничение напрямую связано с топикальностью и хорошо встраивается в описанный выше анализ. Как известно, замена «полной» ИГ на местоимение является естественным следствием высокой топикализованности [Givón, 1983, p. 17], а местоимения первого и второго лица тяготеют к топикальности ингерентно [Silverstein, 1976]. Следовательно, по-видимому, работает следующее правило: если обладаемое само по себе имеет высокую степень топикальности, то посессор – даже если он топикализован в той же или сопоставимой степени – не может занимать маркированную топикализованную позицию.

Описанный выше путь грамматикализации кажется вероятным с типологической точки зрения. Неясным остается только то, в какой степени конструкция предикативной посессивности продвинулась на пути

грамматикализации своих зависимых в синтаксические подлежащее и объект. Если выводы Дж. Кхана и П. Ноорландера о совершившейся грамматикализации справедливы, следует ожидать проявления подлежащих свойств у группы посессора. Если же подлежащие свойства в большей степени характерны для ИГ обладаемого, предикативная посессивная конструкция в урмийском идиоме, по всей видимости, находится лишь в начале грамматикализационного пути.

4. Против топикального анализа

В [Alexoroulou et al., 2004] предлагается два формальных критерия, позволяющих синтаксически противопоставить подлежащее топикализованному аргументу:

- 1) возможность располагаться в не-первой позиции в клаузе;
- 2) возможность использования неопределенного местоимения.

Относительно этих критериев урмийские посессоры ведут себя однозначно: возможно как не-начальное положение группы посессора, так и выражение посессора неопределенным местоимением:

(3) ⁺rába   šǝnnə   Véra   á̄t-la   mašína
много   год(Ф).PL   Вера(Ф)   EXI-LS.3F   машина(М)
'Уже много лет у Веры есть машина'.

(4) há   náša   á̄t-lə   ávto
один.М   человек(М)   EXI-LS.3М   машина(М)
'У кого-то есть машина'.

Возможность (3) и (4), по-видимому, указывает на то, что группа посессора в урмийском больше не является собственно топиком.

5. Критерии подлежащего

Для того чтобы установить, какая из двух ИГ в посессивной конструкции в большей степени претендует на статус грамматического подлежащего, необходимо рассмотреть свойства подлежащих в глагольных клаузах и то, в какой степени эти свойства переносимы на аргументы предикативной посессивной конструкции. Ниже приводятся претендующие на типологическую универсальность (в частности, представленные в [Keenan, 1976]) критерии подлежащего:

- 1) порядок аргументов при предикате;
- 2) согласование с предикатом;
- 3) способность контролировать рефлексивы;
- 4) возможность релятивизации;
- 5) использование специализированной стратегии релятивизации;

- 6) контроль нулевых анафорических элементов в зависимых клаузах;
- 7) контроль сочинительного сокращения;
- 8) возможность задать частный вопрос к составляющей;
- 9) возможность задать вопрос к посессору;
- 10) плавающие кванторы;
- 11) дистрибуция сочинительных конструкций.

Как показал опрос носителей на основе первой анкеты, не все указанные 11 критериев являются исключительными признаками подлежащего в урмийском. К таким свойствам относятся: (4) возможность релятивизации и (5) использование особенной конструкции релятивизации (в урмийском идиоме с помощью одной и той же стратегии релятивизируются, по крайней мере, подлежащие и прямые дополнения); (8) возможность задать частный вопрос к составляющей и возможность клефтового выноса и (9) возможность задать вопрос к посессору (в урмийском идиоме возможно задать вопрос к любой составляющей как подлежащей, так и прямообъектной составляющей). Те свойства, которые однозначно свойственны не только подлежащим, но также и прямым дополнениям, далее не обсуждаются.

В отдельных разделах обсуждаются те критерии, которые являются (предположительно) исключительными для субъектов в глагольных клаузах. Обзор результатов применения указанных выше критериев приводится в табл. 3 (раздел 5.8).

5.1. Порядок аргументов при предикате

Согласно [Khan, 2016, vol. III, p. 319–344], нейтральным порядком слов в урмийском идиоме является порядок с подлежащим, предшествующим предикату, и прямым дополнением, следующим за предикатом (SVO). Таким образом, согласно позиционному критерию, в примерах типа (1a) группа посессора находится в позиции подлежащего, а группа обладаемого – в позиции прямого дополнения. Однако порядок следования аргументов в данном случае подвержен влиянию информационной структуры² и может быть инвертирован:

- (5) ávto   é̄t-lə   +Ášur
 машина(м)   ех1-лс.3м   Ашур(м)
 ‘{Что есть у Ашура?} Машина есть у Ашура’.

Таким образом, нельзя сказать, что порядок аргументов позволяет строго противопоставить подлежащее другому аргументу.

² То, что обладаемое способно топикализироваться, служит очередным свидетельством против топикального анализа статуса группы посессора.

5.2. Согласование с предикатом

Как уже упоминалось во введении, урмийские предикативные посессивные конструкции типа (1a) демонстрируют примечательный паттерн индексации аргументных ИГ в предикатных формах, во многом отличающийся от общего правила. Прежде чем перейти к обсуждению посессивной конструкции, необходимо дать общее представление о системе личных показателей в глагольных клаузах. Индексирование участников возможно с помощью четырех серий морфосинтаксических средств: так называемых S- и L-суффиксов, посессивных показателей и клитических копул. Выбор серии личных индексов в основном определяется типом временной основы глагола. В табл. 1 суммируются основные правила индексирования.

Таблица 1

Основные правила индексации участников в глагольных формах [Basic rules for participant indexing in verb forms]

Серия показателей [Sets of inflectional suffixes]	Основа глагола [Verb stem]			
	PRS	PST	PROG	RES
S-суффиксы [S-suffixes]	Субъект [Subject]	Объект [Object]		
L-суффиксы [L-suffixes]	Объект [Object]	Субъект [Subject]		
Посессивные показатели [Possessive suffixes]			Объект [Object]	Объект [Object]
Копула [Copula]			Субъект [Subject]	Субъект [Subject]

S- и L-суффиксы могут маркировать как субъект, так и объект в глагольной форме, в то время как посессивные суффиксы в глагольных формах всегда индексируют объект, а клитические копулы – только субъект (см. табл. 1). При этом основы прогрессива (PROG) и результативного причастия (RES) на деле являются базовыми формами настоящего и прошедшего времени соответственно.

L-суффиксы маркируют обладателя во всех формах с экзистенциальной частицей (в том числе и в прошедшем времени) и в форме будущего времени (регулярно образующейся от презентной основы глагола авэ ‘быть’):

- (6) ána   ét-va-li   ét-li   u   řt-aví-li
 я   EXI-RETR-LS.1SG   EXI-LS.1SG   и   FUT-БЫТЬ.PRS.SS.3M-LS.1SG
 mašína
 машина(М)
 ‘У меня всегда была, есть и будет машина’

Индексирование группы обладаемого S-суффиксами в посессивной конструкции (ожидаемое для регулярных подлежащих) исключено: с основами настоящего времени используется только инвариативная форма единственного числа третьего лица мужского рода.

- (7) a. *Ášur   řt-aví-l   /
 Ашур(М)   FUT-БЫТЬ.PRS.SS.3M-LS.3M
 *řt-ouá-l   bráta
 FUT-БЫТЬ.PRS.SS.3F-LS.3M   дочь(Ф)
 ‘У Ашурра будет дочь’.
- b. Ninévia   řt-aví-la   /
 Ниневия(Ф)   FUT-БЫТЬ.PRS.SS.3M-LS.3F
 *řt-ouá-la   brúna
 FUT-БЫТЬ.PRS.SS.3F-LS.3F   сын(М)
 ‘У Ниневии будет сын’.

В форме результативного причастия в глагольной предикации участники маркируются трижды:

- 1) от грамматического рода и числа субъекта зависит форма причастия;
- 2) вид копулы определяется сразу признаками рода, числа и лица субъекта;
- 3) посессивные показатели, как показано в табл. 1, маркируют прямой объект.

В предикативных посессивных конструкциях прошедшего времени выбор основы причастия не зависит от согласовательных признаков посессора или обладаемого: при посессоре или обладаемом как мужского, так и женского рода обоих чисел причастие имеет дефолтную форму 3-го лица единственного числа мужского рода. То же верно и для клитической копулы. Посессивные показатели, в свою очередь, последовательно индексируют группу посессора:

- (8) a. *ávun   víyy-u=l   /   *vít-u-l   *xavérta
 он   БЫТЬ.RES.М-Р.3М=3М   БЫТЬ.RES.Ф-Р.3М=3М   подруга(Ф)
 ‘У него была подруга’.
- b. áuən   víyy-o=l   /   *víyy-o=la   *xóra
 она   БЫТЬ.RES.М-Р.3Ф=3М   БЫТЬ.RES.М-Р.3SG=3F   друг(М)
 ‘У нее был друг’.

(8) с. áni viyu-é-l +xóga
они быть.RES.M-P.3PL=3M друг(м)
'У них был друг'.

Таким образом, ни группа посессора, ни группа обладаемого не индексируются последовательно в глагольных формах так же, как каноническое подлежащее. При этом индексирование группы посессора во всех временных формах абсолютно идентично схеме индексирования прямого дополнения (табл. 2).

Таблица 2

**Индексирование участников
в предикативной посессивной конструкции
[Participant indexing in the construction of predicative possession]**

Серия показателей [Sets of inflectional suffixes]	Основа глагола [Verb stem]		
	æt	PRS	RES
S-суффиксы [S-suffixes]		Дефолтное согласование [Default agreement]	
L-суффиксы [L-suffixes]	Посессор [Possessor]	Посессор [Possessor]	
Посессивные показатели [Possessive suffixes]			Посессор [Possessor]
Копула [Copula]			Дефолтное согласование [Default agreement]

5.3. Контроль рефлексивов

Контроль рефлексива является исключительным признаком подлежащего в финитных глагольных клаузах (см. (9) из корпуса нарративов). Так, в примере (10) интерпретация с анафорической связью рефлексивного местоимения и прямого дополнения является неграмматичной, допустимо только анафорическое отношение между рефлексивным местоимением и подлежащим:

(9) cút báxta bəuyáv=əla xa nišánk=æt
каждый женщина(F) давать.PROG=3F один знак(M)=REL
gáp-o
REFL-P.3F
'Каждая женщина дает один свой предмет'. (190705_ena_KK_LZ_
Obrjad na voznesenie)

(15) édan táza plát-la áha ctáva
 когда новый выходить.PST-LS.3F DEM1.SG книга(М)
 ét-va-lun cúllə ya₁-surə₂
 EXI-RETR-LS.3PL все дети_{1,2}
 ‘Когда (она) только появилась, эта книга была у всех детей’.

(16) édan bitáy=əva béta +Ášur ét-va-l bráta
 когда идти.PROG=3.RETR дом(М) Ашур(М) EXI-RETR-LS.3М дочь(Ф)
 ‘Когда (он) возвращался домой, у Ашура уже была дочь’.

Как и в случае выше, по критерию контроля нулевых анафорических элементов обе ИГ в предикативной посессивной конструкции демонстрируют эксклюзивные подлежащие свойства.

5.5. Контроль сочинительного сокращения

Мнения носителей о возможности сочинительного сокращения для несубъектных ИГ расходятся: для 4 из 5 носителей оказывается возможным сочинительное сокращение при контроле со стороны объектной ИГ.

(17) +Ášur mxí-lə ka Sárġon, u nřál-lə
 Ашур(М) ударить.PST-LS.3М к Саргон(М) и падать.PST-LS.3М
 ‘Ашур₁ ударил Саргона₁, и Ø₁/он₁ упал’.

Вместе с тем, сложно с уверенностью утверждать, что конструкция в (17) с кореферентностью прямого дополнения и нулевого подлежащего во второй клаузе не является результатом «прагматической аккомодации» (ожидается, что в результате удара падать будет пострадавший). Поэтому однозначно решить, является ли это свойство эксклюзивным или неэксклюзивным для подлежащего, затруднительно. В любом случае, в предикативных посессивных конструкциях возможен контроль как со стороны группы посессора, так и со стороны группы обладаемого:

(18) а. +Ášur ét-lə bráta u řəlxánə=l
 Ашур EXI-LS.3М дочь(Ф) и работать.PROG=3М
 gav madrāšta
 в школа(Ф)
 ‘У Ашура есть дочь, и он работает в школе’.

б. +Ášur ét-lə bráta u řəlxánə=la
 Ашур(М) EXI-LS.3М дочь(Ф) и работать.PROG=3F
 gav madrāšta
 в школа(Ф)
 ‘У Ашура есть дочь, и она работает в школе’.

5.7. Допустимость сочиненной группы

Для большинства (4 из 6) носителей в позиции подлежащего, в отличие от позиции прямого дополнения, неграмматичны сочиненные группы с союзом *u* ‘и’:

- (19) a. ⁺Ášur mən Sárgon tí-lun
 Ашур(м) с Саргон(м) приходит. PST-LS.3PL
 *Ášur u Sárgon tílun
 ‘Ашур и Саргон пришли’.
- b. Ninévia +byáy=əla ka ⁺Ášur u ka Sárgon
 Ниневия(ф) хотеть. PROG=3F к Ашур(м) и к Саргон(м)
 ‘Ниневия любит Ашура и Саргона’.

Для всех носителей, для которых существовал такой запрет, он не обнаружился ни для группы посессора, ни для группы обладаемого в предикативной посессивной конструкции:

- (20) a. ⁺Ášur mən Sárgon át-lun bába
 Ашур(м) с Саргон(м) ехi-LS.3PL отец(м)
- b. ⁺Ášur u Sárgon át-lun bába
 Ашур(м) и Саргон(м) ехi-LS.3PL отец(м)
 ‘У Ашура и Саргона есть отец’.
- (21) a. ⁺Ášur át-lə mašina u béta
 Ашур(м) ехi-LS.3M машина(м) и дом(м)
- b. ⁺Ášur át-lə mašina mən béta
 Ашур(м) ехi-LS.3M машина(м) с дом(м)
 ‘У Ашура есть машина и дом’.

5.8. Обобщение

В табл. 3 обобщаются результаты применения критериев 1–12, описанных в начале настоящего раздела.

Из 7 релевантных критериев ни один не позволяет однозначно определить, какой из аргументов предикативной посессивной конструкции имеет тот же статус, что и каноническое подлежащее (см. табл. 3). И группа посессора, и группа обладаемого в большинстве случаев демонстрируют свойственное подлежащему морфосинтаксическое поведение. Единственное исключение составляет критерий согласования с предикатом, по которому оба аргумента конструкции оказываются непохожими на обычные подлежащие³.

³ Тот факт, что ИГ посессора и ИГ обладаемого неодинаково ведут себя в отношении критерия «возможность задать вопрос к посессору» может объясняться прагматической странностью, которую носители усматривают в урмийских эквивалентах русскому вопросу «Чья машина есть у Ашура?».

Обобщение критериев подлежащего для урмийского языка
[Summary of the subjecthood criteria for Urmi]

Критерий [Criterion]	Исключительность для урмийских подлежащих [Exclusivity for Urmi Subjects]	Именная группа посессора [Possessor NP]	Именная группа обладаемого [Possessee NP]
Порядок аргументов при предикате (SVO) [Order of the predicate and its arguments (SVO)]	+	+	+
Согласование с предикатом [Predicate agreement]	+	–	–
Способность контролировать рефлексивы [Control of reflexives]	+	+	+
Возможность релятивизации [Possibility of relativization]	–	+	+
Использование специализированной стратегии релятивизации [Use of a specialized relativization strategy]	–	+/-	+/-
Обратная прономинализация [Backward pronominalization]	+	+	+
Контроль сочинительного сокращения [Control in coreferential deletion]	+	+	+
Возможность задать частный вопрос к составляющей [Possibility to postulate a content question to the constituent]	–	+	+
Возможность задать вопрос к посессору [Possibility to postulate a content question to the possessor of the given NP]	–	+	–
Плавающие кванторы [Floating quantifiers]	–	+	+
Допустимость сочиненной группы [Acceptability of the coordinated structure]	+	+	+

6. Обсуждение

Итак, согласно выбранным критериям, ни один из аргументов предикативной посессивной конструкции не обладает большим синтаксическим приоритетом, чем другой. Несмотря на всю экзотичность такого результата, подобная ситуация описана и для некоторых других языков, в частности, для арабского и иврита [Alexoroulou et al. 2004], а также для японского ([Heusock, Doron, 2003] и содержащиеся там ссылки). В названных языках, как и в урмийском идиоме, существует конструкция с немаркированной именной группой на левой периферии клаузы, которая обладает некоторыми свойствами подлежащего. Авторы приведенных работ описывают этот феномен как «широкое подлежащее» (broad subject).

Представляется, что анализ в духе «широкого подлежащего» наилучшим образом совмещается с наблюдаемыми урмийскими данными. В частности, он, в отличие от более традиционного подхода к грамматикализации, которому следуют в частности Дж. Кхан и П. Ноорландер, не требует изменения (понижения) статуса «старого» подлежащего. Другим аргументом в пользу анализа в духе «широкого подлежащего» служит то, что вопреки предположению в [Khan, 2016, p. 396], группа обладаемого не была переосмыслена как прямое дополнение. Так, одним из основных признаков прямого дополнения в урмийском идиоме является возможность дифференцированного маркирования (дифференцированное маркирование часто рассматривается как диагностический признак прямого дополнения [Ganenkov, Daniel, 2002]). Наряду с нулевым маркированием и индексацией, для оформления прямого дополнения может использоваться предлог *ka* 'к'. Основными факторами, определяющими возможность маркирования предлогом *ka*, являются одушевленность, определенность и положение в фокусе [Шувалова, 2021]. При этом группа обладаемого в посессивной конструкции не может маркироваться предлогом *ka* в том числе при положительном значении всех перечисленных факторов, следовательно, она не похожа на настоящие прямые дополнения.

- (22) – átəp   át-lux   brúna   u   bráta?
          ты   EXI-LS.2M   сын(М)   и   девочка(Ф)
 – lá,   ána   át-li   ха   bráta / *ka   bráta
 NEG   я   EXI-LS.1SG   один   дочь(Ф) / к   девочка(Ф)
 ‘– У тебя есть сын и дочь?’
 – Нет, у меня есть только дочь’.

Кроме того, как показано в разделе 5.2, группа обладаемого никогда не индексируется в глагольной форме.

Вместе с тем, возможным препятствием для отождествления урмийских конструкций с другими семитскими является то, что, по всей видимости, урмийские посессоры больше похожи на обычные подлежащие, чем «широкие подлежащие» в арабском и иврите. Так, урмийские посессоры проходят некоторые тесты на подлежащее, которые недоступны «широким подлежащим» в иврите [Landau, 2009], в частности, могут связывать рефлексивные местоимения (см. раздел 5.3). Возможным объяснением такой референциальной свободы урмийского может быть то, что «новое» подлежащее (посессор), постепенно приобретая аргументный статус, получает все больше подлежащих свойств, в то время как «старое» подлежащее еще их не утратило.

С другой стороны, современный диалект, на котором говорят в России, существует в почти полном отрыве от любой письменной традиции и находится под значительным влиянием русского языка, что, по-видимому, могло привести к «расшатыванию» системы.

Примечательно, что в работах, посвященных категории «широкого подлежащего» в семитских языках, в основном не обсуждаются последствия постулирования двух подлежащих в одной клаузе, а также то, есть ли между этими подлежащими различия. Единственным основанием противопоставления двух подлежащих, упоминаемом в [Doron, Neusock, 2010], является то, что «широкие подлежащие» не являются аргументами предиката, однако это различие не анализируется детально. Это представляется одним из самых значимых упущений теории «широкого подлежащего» и, безусловно, нуждается в дальнейшем обсуждении. Однако на основании имеющихся на данный момент сведений об урмийских конструкциях невозможно восполнить эту лауну.

7. Заключение

В настоящей статье были представлены данные о морфосинтаксическом статусе аргументов предикативной посессивной конструкции в урмийском новоарамейском идиоме. Указанную конструкцию отличает, с одной стороны, отсутствие зависимого маркирования на обоих аргументах, а с другой стороны – нетривиальная схема индексации. Вкупе оба этих факта делают проблематичной идентификацию подлежащего.

В результате анализа данных по семи критериям подлежащности было установлено, что, несмотря на неканоническую схему индексации, обе именные группы в составе конструкции демонстрируют признаки, эксклюзивно свойственные подлежащим глагольных клауз в данном идиоме. Таким образом, было показано, что вопреки предсказаниям в [Khan, 2016] аргументы предикативной посессивной конструкции,

скорее всего, не грамматикализировались в регулярное подлежащее и объект транзитивной клаузы. Представляется более обоснованным принять для ассирийских данных теорию «широкого подлежащего», сформулированную на материале ряда родственных семитских языков.

Библиографический список / References

Сай, 2021 – Сай С.С. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.2. Pp. 654–689. [Say S.S. Marking of bivalent predicates actants in Neo-Aramaic dialects of Urmia. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.2. Pp. 654–689. (In Rus.)]

Шувалова, 2021 – Шувалова В. П. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия (Краснодарский край) // Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.) / Под ред. Д.Ф. Мищенко, Д.В. Герасимова. СПб., 2021. С. 212–215. [Shuvalova V.P. Differential object marking in Christian Urmia dialect of Urmia (Krasnodar krai). *Vosemnadcataja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov (Saint-Petersburg, 25–27 November 2021)*. D.F. Mishhenko, D.V. Gerasimov (eds.). St.-Petersburg, 2021. Pp. 212–215. (In Rus.)]

Alexopoulou et al., 2004 – Alexopoulou T., Doron E., Heycock C. Broad subjects and clitic left dislocation. *Peripheries*. D. Adger, C. de Cat, G. Tsoulas (eds.). Dordrecht, 2004. Pp. 329–358.

Ganenkov, Daniel, 2002 – Ganenkov D., Daniel M. Where have all the transitive predicates gone? On the ‘hidden transitivity’ effects in Chuvash. Talk at Third Typological Winter School, 2002.

Givón, 1976 – Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement. *Subject and topic*. C. Li (ed.). New York; San Francisco; London, 1976. Pp. 149–188.

Givón, 1983 – Givón T. Topic continuity in discourse. Amsterdam, 1983.

Heycock, Doron, 2003 – Heycock C., Doron E. Categorical subjects. *Gengo Kenky*. 2003. No. 123. Pp. 95–135.

Heycock, Doron, 2010 – Heycock C., Doron E. In support of broad subjects in Hebrew. *Lingua*. 2010. No. 120. Pp. 1764–1776.

Keenan, 1976 – Keenan E. Towards a universal definition of “subject”. *Subject and Topic*. C. Li (ed.). New York; San Francisco; London, 1976. Pp. 303–333.

Khan, 2016 – Khan G. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmia. Vols. 1–4. Leiden; Boston, 2016.

Landau, 2009 – Landau I. Against broad subjects in Hebrew. *Lingua*. 2009. No. 119. Pp. 89–101.

Noorlander, 2021 – Noorlander P. Towards a typology of possessors and experiencers in Neo-Aramaic: Non-canonical subjects as relics of a former dative case. *Studies in the Grammar and Lexicon of Neo-Aramaic* 5. G. Khan, P. Noorlander (eds.). 2021. Pp. 29–93.

Ovsjannikova et al., in press – Ovsjannikova M., Zabelina E., Kozhanov K. (in press). Non-Urmia Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmia,

Russia. Part 1: Sociolinguistic overview and phonetic features. To appear in Iran and the Caucasus.

Shibatani, 1991 – Shibatani M. Grammaticization of Topic into Subject. *Approaches to grammaticalization*. E. Traugott, D. Heine (eds.). Amsterdam, 1991. Pp. 93–133.

Silverstein, 1976 – Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. R.M.W. Dixon (ed.). New York, 1976. Pp. 112–171.

Stassen, 2009 – Stassen L. Predicative possession. Oxford, 2009.

Статья поступила в редакцию 26.03.2022

The article was received on 26.03.2022

Об авторе /About the author

Логвинова Наталья Николаевна – лаборант Лаборатории типологического изучения языков, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Natalia N. Logvinova – Laboratory assistant at the Laboratory for the Typological Study of Languages, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0408-5964>

E-mail: natalielo009@gmail.com